

Современная наука & древние учения

Эволюция
сознания

Е. В. МОРОЗОВ

Перекрестки культур

Евгений Морозов

**Эволюция сознания. Современная
наука и древние учения**

«ИП Карелин»

2013

Морозов Е. В.

Эволюция сознания. Современная наука и древние учения /
Е. В. Морозов — «ИП Карелин», 2013 — (Перекрестки культур)

Книга посвящена изучению сознания с холистической точки зрения. Эволюция индивидуального сознания рассматривается от хаоса (дисгармония, «ад») к порядку (гармония, «рай») через реализацию стремления персоны к целостности (Абсолюту). Исследование построено на научном анализе различных состояний сознания и рассматривает все основные виды как его развития, так и деградации. Также подробно рассматриваются современные физические концепции сознания — от квантовой физики до путешествий во времени через «кротовые норы» и энергетические поля. Автор книги — Евгений Вячеславович Морозов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, почетный доктор наук Международной Академии естественной истории (ФРГ), профессор Российской Академии Естествознания, заслуженный работник науки и образования.

© Морозов Е. В., 2013

© ИП Карелин, 2013

Содержание

Введение	5
Глава I Новые горизонты	13
Глава II Роль теории относительности	20
Глава III Пространственно-временные концепции	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Вячеславович Морозов

Эволюция сознания. Современная наука и древние учения

Введение

Все мы – гиганты, воспитанные пигмеями, которые научились жить, мысленно сгорбившись.

Роберт Антон Уилсон

Последние несколько веков мировой истории были ознаменованы тяжелым кризисом. Прежде всего он выразился в жестком противостоянии религии и науки, идеализма и материализма. Наука стремительно развивалась, поначалу подвергая духовный мир сомнению, а затем и вовсе отрицая его. В XX веке в результате чудовищных войн, массового геноцида и изобретения ядерного оружия вопрос о соотношении духовности и материализма вновь стал актуален. Серьезная проблема состоит в том, что понимать под духовностью, и является ли она синонимом служения какой-либо определенной религии. Материалисты утверждают, что в Средние века христианская церковь дискредитировала себя не только организацией Крестовых походов и Инквизиции, но и своей доктриной презрения к человеческому телу, столь непонятной сегодняшнему человеку. Католичество как институт подменило собой религию, извратило и свело на нет все евангельские принципы. На смену духовности и разуму пришло религиозное безумие. Средние века были временем культурного упадка, войн, суеверий, невежества, нищеты и жестокости.

Как пишет американский мыслитель Кен Уилбер, в XVIII веке «над всем континентом прозвучал страстный крик Вольтера: „Помните о жестокости!“». Помните о жестокости, причиненной людям во имя мифического бога, помните о сотнях тысяч, сожженных на кострах для того, чтобы спасти их души; помните об Инквизиции, которая писала свои догмы на плоти пытаемых людей; помните о политическом неравенстве, свойственном мифическим иерархиям; помните о жестокости, которая во имя сострадания отправила маршировать под своими знаменами неисчислимое множество людей».¹

Хотя эти обвинения не всегда справедливы, тем не менее, следует признать, что высшее руководство католической церкви оказалось неспособно реализовать собственные ценности, погрязнув в борьбе за власть, идеологической косности, политизированности, цинизме и отсутствии толерантности. Другой нерешенной проблемой была все возрастающая тенденция подменять христианскую добродетель чисто внешним следованием обрядам, ничего не затрагивая при этом в своей душе. «В секте стойков каждый был стойк, но между христианами всякий ли христианин?» – вопрошал Р. Эмерсон.²

На заре Нового времени подвергшееся по вышеуказанным причинам заметной эрозии религиозное мировоззрение сменилось научной парадигмой, но, к сожалению, это не привело к подлинному интеллектуальному освобождению. Человечество оказалось перед лицом другой крайности, ибо по мере продвижения вперед наука становилась все более нетерпимой к явлениям, которые не вписывались в новую картину мира. Понятие духовности как таковое оказалось под серьезной угрозой. В XVII веке с подачи Рене Декарта главным научным мето-

¹ Уилбер К. Краткая история всего. М., 2006. С. 376–377.

² Эмерсон Р. Нравственная философия. Минск; М., 2000. С. 85.

дом стал рационализм, согласно которому основой познания и действия людей является разум. Вскоре он выродился в свою крайнюю форму – сциентизм – систему убеждений, утверждающую основополагающую роль науки как источника знаний и суждений о мире. Образцовыми науками, естественно, стали физика и математика. Сциентисты утверждали, что наука может заменить собой философию и метафизику в области разрешения основных моральных и этических проблем человечества.

Как метод рационализм постоянно подчеркивал необходимость познания объективной реальности. В связи с этим хотелось бы отметить, что мир, существующий вокруг человека или любого другого живого существа, изначально носит понятийный, субъективный характер. Термин «*объективная реальность*», столь часто используемый в научной среде, в действительности не несет никакой реальной нагрузки. То, что сегодня считают объективным знанием, не более чем субъективное представление большинства заинтересованных лиц. Употребление выражения «объективность» некорректно и должно быть заменено понятием «мультисубъективность». Вспомним хотя бы историю мировоззрения человечества по отношению к Земле и Вселенной. До Коперника и Галилея считали, что Солнце, звезды и планеты вертятся вокруг Земли; это считалось объективным знанием, принимаемым всеми до определенного времени. Потом ситуация изменилась, но это не значит, что не может наступить момент, когда системы Коперника, Галилея или даже современных ученых будут опровергнуты. Наука двигается за счет мощных интеллектуальных революций, но они доказывают скорее высокий интеллектуальный уровень ее теоретиков, нежели объясняют реальное положение дел в окружающем нас мире. В любом случае, понятие объективности построено на столь зыбучем песке, что рухнет при малейшем прикосновении. Человек всегда останется человеком, и он никогда не сможет воспринимать действительность иначе, чем в соответствии со своими собственными особенностями и возможностями.

Все в этом мире относительно. Рассмотрим, к примеру, вопрос о соотношении движения Земли и Солнца. Поскольку абсолютного пространства нет, то движется ли Земля вокруг Солнца, или наоборот, зависит только от условно избранной точки отсчета.

Великий британский философ Джордж Беркли, задолго до Эйнштейна, говорил: «Я должен сознаться, что не нахожу, будто движение может быть иным, кроме *относительного*; так что для представления движения следует представить по меньшей мере два тела, расстояние между которыми или относительное положение которых изменяется. Поэтому, если бы существовало только одно тело, оно никак не могло бы находиться в движении».³ Иначе говоря, как продолжает Беркли, «вопрос, движется ли Земля или нет, сводится в действительности только к тому, имеем ли мы основание вывести из наблюдений астрономов то заключение, что если бы мы были помещены в таких-то и таких-то обстоятельствах и при таком-то и таком-то положении и расстоянии как от Земли, так и от Солнца, то мы восприняли бы первую как движущуюся среди хора планет и представляющуюся во всех отношениях сходной с ними...».⁴

Как отмечает французский математик А. Пуанкаре, «с точки зрения кинематики из двух противоречивых положений – „Земля вращается“ и „Земля не вращается“ – одно не более верно, чем другое».⁵ Солидарен с ним и австрийский физик Эрнст Мах: «Остается ли Земля неподвижной, а Солнце и звездное небо движутся вокруг нее, или наоборот? Если мы делаем над собой усилие, мы видим первое, а не второе. Для обыкновенных практических целей этот взгляд не только вполне достаточен, но и наиболее прост и удобен. Но для известных интел-

³ Беркли Дж. Сочинения. М., 2000. С. 189.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 280.

лектуальных целей оказался более удобным противоположный взгляд. Хотя оба взгляда равно правильны и в своей области целесообразны...»⁶

Французский математик, физик и философ Блез Паскаль (1632–1662) в «Мыслях о религии» справедливо заметил, что человек находится между двумя безднами – бесконечностью (макрокосмом) и ничтожеством (микрокосмом) и не в силах постичь их полностью. Паскаль называл человека «мыслящим тростником», который – «самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ее умерщвления достаточно небольшого испарения, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он осознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком».⁷ Известный физик Вернер Гейзенберг в этой связи писал, что «в астрономической Вселенной Земля есть крошечная пылинка внутри одной из бесчисленных галактик, а для нас она – середина мира; она и действительно середина нашего мира. Естествознание стремится придать своим понятиям объективное значение. Наоборот, религиозный язык призван как раз избежать раскола мира на объективную и субъективную стороны, в самом деле, кто сможет утверждать, что объективная сторона мира более реальна, чем субъективная?»⁸

Следует отметить, что в последнее время идея *случайности* появления жизни на Земле была поставлена под сомнение теорией так называемого антропного принципа, утверждающей, почему в наблюдаемой нами Вселенной имеет место ряд нетривиальных соотношений между разнообразными фундаментальными физическими параметрами, которые способны привести к образованию разумной жизни. Этот принцип вступает в явное противоречие с мнением Н. Коперника, утверждавшим, что место, где существует человечество, не является привилегированным, как-то выделенным среди других.

Столь же относительной является и другая идея гелиоцентристов – концепция движения Земли вокруг своей оси, поскольку и в данном случае можно выбирать из двух точек отсчета – Земли и окружающей ее небесной сферы. Интересно, что в небе абсолютно отсутствует глубина, то есть сильно удаленные друг от друга светила кажутся наблюдателю равноудаленными от него. В человеческом восприятии небо представляет собой сферу, причем звезды, расположенные на ней, находятся на одинаковом расстоянии от субъекта. Тело может двигаться только относительно другого тела, и направление движения мира зависит исключительно от позиции наблюдателя – субъекта. Мы с таким же правом можем сказать, что небесная сфера обращается вокруг нас, а мы пребываем в неподвижности, как и наоборот. Поэтому каждый человек, каким бы маленьким и слабым он ни был, способен «вращать» на своих плечах всю Вселенную.

Еще одной серьезной проблемой классической науки, к сожалению, остающейся актуальной и для нашего времени, стало углубление научной специализации и все возрастающая пропасть между учеными, работающими в области различных дисциплин. Возможно ли познать целостную картину мира, если каждый ученый занимается все более и более узким кругом проблем? Еще сто лет назад Анри Пуанкаре не без иронии спрашивал, «может ли натуралист, изучающий слона только под микроскопом, утверждать, что он достоверно знает это животное? Микроскоп обнаруживает структуру и механизм клеток, структуру и механизм, которые идентичны во всех многоклеточных организмах. Слон, несомненно, многоклеточный организм. Но только ли он многоклеточный организм?»⁹

Прямым результатом рационалистического подхода стал механицизм – метод познания и миропонимание, рассматривающее мир как механизм. Иначе говоря, механицизм сводит явле-

⁶ Мах Э. Анализ ощущений. М., 2005. С. 291.

⁷ Стрельцова Г. Я. Блез Паскаль. М., 1979. С. 155.

⁸ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 339.

⁹ Цит. по: Элиаде М. Ностальгия по истокам. М., 2006. С. 28.

ния лишь к их физическим причинам. В этой связи мы подошли к весьма важному вопросу, касающегося того, что наука Нового времени стремилась свести весь окружающий нас мир к обыкновенной механике, игнорируя при этом всякие психологические проявления человека. Как известно, движение к истине нередко происходило с помощью неожиданных духовных прозрений. Людей, испытывавших такие состояния, называли гениями. Теперь же духовные прозрения тех, кто в свое время почитался за святого, истолковывались лишь как различные симптомы психических заболеваний.

Следует отметить, что вопрос о степени сумасшествия столь же относителен, как и все остальное. Механистическое наследие классической науки все еще довлеет над нами. Мы привыкли оценивать окружающий мир исключительно мерками западной цивилизации. Между тем, как замечает известный американский психолог С. Гроф, «опыт и поведение шаманов, индийских йогов и саддху (святых отшельников) или духовных искателей других культур по западным психиатрическим стандартам следовало бы диагностировать как явный психоз. И наоборот, ненасытное честолюбие, иррациональные побуждения к компенсации, технократия, современная гонка вооружений, междоусобные войны, революции и перевороты, считающиеся нормой на Западе, рассматривались бы восточным мудрецом как симптомы крайнего безумия. Точно так же нашу манию постоянного прогресса и „неограниченного роста“, наше отрицание космических циклов, загрязнение жизненных ресурсов (воды, почвы и воздуха), превращение в бетон и асфальт тысяч квадратных миль земли в таких местах, как Лос-Анджелес, Токио или Сан-Пауло, американский или мексиканский индеец-шаман посчитал бы чудовищной несообразностью и опасным массовым безумием».¹⁰

Нельзя не согласиться с этим мыслителем. Изобретение ядерного оружия поставило в практическую плоскость возможность мгновенного уничтожения огромного количества людей. Как заметил американский писатель Ф. П. Джонс, «вы – почтенный обломок прошлого, если помните времена, когда „мировой пожар“ был всего лишь метафорой».¹¹

Не менее важной проблемой, оставленной нам в свое время механистической наукой, является не всегда корректное смешение понятий субъекта и объекта. Как совершенно верно отметил французский философ Габриэль Марсель в статье «Феноменологические заметки о бытии в ситуации» (1937), «пусть мне не говорят, что... философия старалась распознать структуру субъекта. Разве не очевидно, что тем самым она сразу же превращала его в объект?»¹²

Существует один исключительно важный аспект данного вопроса: отношение физиологических особенностей организма индивидуума к его сознанию. Исследование организма ведется с помощью других организмов, которые, в свою очередь обладают субъективным восприятием. Как можно понять, что такое мозг, когда было зафиксировано столько погрешностей в восприятии человеческим организмом даже самых «простейших» окружающих вещей? Невозможно с помощью неразвитых органов чувств разобраться в таком сложнейшем инструменте, поскольку мы познаем чисто внешние его аспекты, и не способны понять, что же такое мозг как «вещь в себе».

Материальный мир – это мир, воспринимаемый человеком с помощью органов чувств, и преобразующийся с помощью условных языковых понятий в мир мультисубъективный. Однако сами по себе органы чувств воспринимаются индивидуумом с помощью самих себя же. Получается замкнутый круг, за пределы которого невозможно вырваться. «Одна вещь несомненна, – писал Р. Декарт, – я знаю себя как мысль, и я, безусловно, не знаю себя как мозг». Английский философ Дж. Уитроу заметил, что этот факт «часто упускается из виду теми, кто

¹⁰ Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1993. С. 323.

¹¹ Циг. по'. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М., 2002. С. 37.

¹² Марсель Г. Опыт конкретной философии. М., 2004. С. 67.

желает отождествить ум и мозг. На деле это отождествление никоим образом не очевидно».¹³ Известный русский психолог Г. И. Челпанов, пошел еще дальше: «Я утверждаю, что мысли не совершаются в мозгу, что мозг не есть местопребывание мысли, что о мысли нельзя говорить, что она находится где-то в мозгу, так как она, будучи непротяженной, не может находиться *где бы то ни было* в пространстве».¹⁴ Другой пример такого рода приводит С. Гроф: «Зная основные принципы устройства телевизора, мы понимаем, что телевизор не генерирует свои передачи и ничего в них не вкладывает: он просто передает их. Мы бы посмеялись над человеком, который в попытках определить, что же в телевизоре создает телепередачи, стал бы изучать все его транзисторы, цепи и провода... Однако именно такое заключение о связи мозга с сознанием сделала традиционная материалистическая наука».¹⁵

То, что механицизм дошел до того, что низвел человека до уровня саморегулирующегося автомата, вызвал понятное неприятие и насмешки.

Так, А. Луначарский, под редакцией которого вышло первое русское издание книги Р. Авенариуса «Критика чистого опыта», приводит анекдот, как одна дама, впервые прослушавшая Бетховена, «обратилась к близ сидевшему полному господину с такой речью: „Ах, ах, это прелестно... но я не понимаю, что означают эти звуки?“ – „А это, видите, внутри этого ящика натянуты струны, и при помощи клавишей приводятся в действие эдакие молоточки: они бьют по струнам, и получают звуки“».¹⁶

Таким образом, как совершенно справедливо указывает Г. И. Челпанов, «никак нельзя утверждать, что материи присуще более несомненное существование, чем сознанию, потому что мир как духовный, так равным образом и материальный составляет содержание нашего сознания».¹⁷ К сожалению, в XX веке механистический подход привел к страшным последствиям, жертвами которых стало гораздо больше людей, чем за все время Средних веков. «В важнейших мировоззренческих вопросах равно опасны крайности, как опровергательского энтузиазма материалистов, так и догматизма церковников», – замечает современный ученый М. И. Штеренберг.¹⁸

Одним из важнейших признаков классической науки стала математизация ее аппарата. Иначе говоря, со времени Р. Декарта математика, заняв место латыни, стала универсальным языком науки.¹⁹ Еще и теперь, как полагают физики, любая теория становится научно обоснованной лишь тогда, когда у нее появляется математический аппарат. «Ни один язык, ограничивающийся... описанием мира, известного исчерпывающе и заранее, не может дать нейтрального и объективного описания „данного“» – заметил Томас Кун.²⁰ Это утверждение относится и к математике.

В этой связи мне хотелось бы напомнить об известном английском схоласте Уильяме Оккаме (1300–1349), автору так называемого принципа «бритвы Оккама»: «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего», или «Сущность не следует умножать без необходимости».

Ни для кого не секрет, что математика не является наиболее очевидным для всех способом передачи мысли. Наоборот, использование математического аппарата очень сильно отдалило науку от обывателя, придало ей элитарный характер, но, самое главное, привело к тому, что абстракции стали приравняться к реальной жизни. В. В. Налимов, например, приводит

¹³ Уиттроу Дж. Естественная философия времени. М., 2004. С. 146.

¹⁴ Челпанов Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М., 2007. С. 239.

¹⁵ Гроф С. Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания. М., 2004. С. 222.

¹⁶ Авенариус Р. Критика чистого опыта. М., 2007. С. 32.

¹⁷ Челпанов Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М., 2007. С. 210.

¹⁸ Штеренберг М. И. Синергетика: наука? философия? псевдорелигия? М., 2007. С. 151.

¹⁹ Ляткин Я. А. Декарт. М., 1975. С. 165–166.

²⁰ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 171.

такой анекдот: «Профессор входит в аудиторию. Там никого нет. Он, как положено, начинает читать лекцию. Приходят двое – профессор радуется. Неожиданно выходят пятеро. Профессор грустно думает: „Придут еще трое, и опять никого не будет“». «Не так ли выглядят и наши модели, опирающиеся на числовое видение Мира?» – спрашивает Налимов.²¹

В «Трактате о принципах человеческого знания» Дж. Беркли пишет: «Так как философия есть не что иное, как стремление к мудрости и истине, то можно было бы ожидать по разумным основаниям, что те, которые посвятили ей всего более времени и труда, должны наслаждаться большим спокойствием духа и веселостью, большей ясностью и очевидностью знания и менее терзаться сомнениями и затруднениями, чем прочие люди. Между тем на деле мы видим, что невежественная масса людей, которая следует по широкой тропе обычного здравого смысла и руководствуется велениями природы, по большей части бывает довольна и спокойна. Ничто обыденное не представляется ей необъяснимым или трудным для понимания. Она не жалуется на недостаток очевидности своих ощущений и находится вне опасности впасть в *скептицизм*. Но как только мы уклоняемся от руководства ощущений и инстинкта, чтобы следовать высшему началу – разуму, размышлению, рассуждению о природе вещей, то в наших умах немедленно возникают тысячи сомнений относительно тех вещей, которые ранее казались нам вполне понятными. Предрассудки и обманчивость ощущений обнаруживается со всех сторон перед нашим взором, и, пытаясь исправить их при помощи разума, мы незаметно запутываемся в странных парадоксах, затруднениях и противоречиях, которые умножаются и растут по мере того, как мы продвигаемся дальше в умозрении, пока мы наконец после скитания по множеству запутанных лабиринтов не находим себя там же, где мы были ранее, или, что еще хуже, не погрузимся в безвыходный скептицизм». Далее Беркли совершенно справедливо замечает, что «если не всеми, то большей частью тех затруднений, которые до сих пор занимали философов и преграждали путь к познанию, мы всецело обязаны самим себе; что мы сначала подняли облако пыли, а затем жалуемся на то, что оно мешает нам видеть».²²

Математизация науки и стала тем облаком пыли, о котором говорит Беркли. Многие ученые, такие как Бертран Рассел, так и не смогли стать *подлинно свободными* мыслителями, прежде всего по тому, что не смогли освободиться от жестких рамок математики и логического анализа. Сведя всю философию к этим двум вещам, Рассел тем самым лишил себя той ничем не ограниченной свободы мысли, без которой невозможна истинно революционная философия.

Элитарность науки, ее стремление свести наш живой мир к некоей не существующей абстракции было замечено на самых разных социальных уровнях, и, прежде всего, в школе.

Постепенно классическая наука стала повторять путь средневековой Церкви. Этот процесс как нельзя лучше описал австрийско-американский философ Пауль Фейерабенд, безусловно, один из самых прозорливых ученых XX века: «С точки зрения психологии догматизм вырастает, помимо всего прочего, из неспособности вообразить альтернативы к принимаемой концепции. Такая неспособность может быть обусловлена тем, что в течение значительного времени альтернативы отсутствовали и, следовательно, определенные способы мышления не получили развития. Она может быть обусловлена также сознательным устранением альтернатив. Продолжительное навязывание единственной точки зрения может привести к постепенному упрочению жестко фиксированных методов наблюдения и измерения, к кодификации способов интерпретации получаемых результатов, к стандартизации терминологии и другим консервативным явлениям».²³

²¹ Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000. С. 200.

²² Беркли Дж. Сочинения. М., 2000. С. 119–120.

²³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 77–78.

Еще датский теолог и мыслитель Серен Кьеркегор считал истину исключительно субъективным понятием. «Определение истины таково: объективная неуверенность, сохраняющаяся в усвоении страстного внутреннего устремления, есть истина, притом высшая истина, которая доступна существующему... Личность обладает истиной даже тогда, когда она придерживается неистины».²⁴

Разве не прав был немецкий философ Людвиг Фейербах, сказавший однажды, что «догма есть не что иное, как прямой запрет мыслить»?²⁵ Впрочем, немногие люди расстроены этим запретом. «Меня всегда поражало количество людей, воздерживающихся от напряжения мозгов при каждом удобном случае. Как, впрочем, и количество тех, кто хоть и работает мозгами, но на удивление беспомощно» – заметил К. Г. Юнг.²⁶ А французский политик Эдуард Эррио прямо указывает, что «доктрины имеют то преимущество, что избавляют от необходимости думать».²⁷

Слишком малое количество людей сохранило еще способность мыслить. К сожалению, сегодня даже лидеры научных направлений и лауреаты нобелевских премий как бы застывают в своем интеллектуальном развитии. «Обычно, говоря об „избранном меньшинстве“, передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно».²⁸

Известный мистик и философ Г. И. Гурджиев писал, что «в настоящее время воспитание нередко сводят к умственному образованию. Ребенок, словно попугай, заучивает стихи, не понимая их, а родители довольны, что он в этом преуспевает. В школе он учит все механически и, сдав экзамены, по-прежнему ничего не понимает и ничего не умеет. По своим умственным способностям он – взрослый человек сорока лет, а, в сущности – десятилетний ребенок».²⁹

В этой связи мне хотелось бы обратиться к так называемому феномену *импринтинга* (запечатления), который был открыт австрийским зоопсихологом К. Лоренцем. Суть его заключается в следующем: Из-под наседки незадолго до появления цыплят вынули одно яйцо и поместили в инкубатор. Когда из него вылупился цыпленок, перед его еще не совсем прояснившимся взором несколько раз прокатали игрушечную коляску. После этого цыпленка присоединили к другим цыплятам, появившимся на свет из-под наседки одновременно с ним. Спустя некоторое время, когда курица-мать совершала с цыплятами прогулку, экспериментаторы прокатали перед ними коляску. Все цыплята продолжали следовать за матерью – все, кроме одного, того самого, который вылупился в инкубаторе: нарушив строй, он пошел за коляской.³⁰

Первые знания, полученные человеком, зачастую оказываются самыми устойчивыми, поэтому сегодняшнее школьное образование становится тем самым импринтингом, который надолго (если не на всю жизнь) «ампутирует» способность мыслить. Сегодня научные тексты обычным населением принимаются на веру так, как в свое время Библия. Стандартная ссылка «по мнению ученых», «ученые считают» и т. д., считается чем-то, что должно придать вес тому или иному утверждению. Еще большую угрозу свободе мысли несет введение тестовой системы проверки знаний. С самого детства человек привыкает к стереотипному типу мышления и становится неспособным к творческому порыву, который только и может двигать вперед не только науку, но и саму жизнь.

В книге «Великое искусство света и тьмы» голландский ученый Атанасиус Кирхер (1602–1680), описал еще один неожиданный эксперимент, методика которого состояла в следующем:

²⁴ Цит. по: Быховский Б. Э. Кьеркегор. М., 1972. С. 105–107.

²⁵ Цит. по Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М., 2002. С. 218.

²⁶ Юнг К. Г. Человек и его символы. М., 2006. С. 58.

²⁷ Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М., 2002. С. 301.

²⁸ Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М., 2000. С. 173–174.

²⁹ Цит. по: Кучеренко В. А. Георгий Иванович Гурджиев. М.; Ростов-на-Дону, 2006. С. 117.

³⁰ Ляткер Я. А. Декарт. М., 1975. С. 35–36.

Кирхер укладывал на бок курицу и удерживал ее в этом положении, пока она не успокоится. Затем он проводил мелом черту у самой головы курицы и переставал ее удерживать. Но курица еще долго продолжала, не шевелясь, лежать в неестественной для нее позе, даже и тогда, когда ее начинали тормозить. По мнению Кирхера, курица принимает проведенную мелом черту за удерживающую ее веревку и, понимая бесполезность сопротивления, не пытается встать.³¹

³¹ Чугунов В. В. Экзегетика снов. Европейские хроники сновидений. М., 2002. С. 242–243.

Глава I Новые горизонты

Прогресс состоит не в замене неверной теории на верную, а в замене одной неверной теории на другую неверную, но уточненную.
Стивен Хокинг

В конце XIX века ученые были уверены, что им почти полностью удалось снять покров неизвестности с окружающего мира. Между тем, уже тогда некоторые прозорливые философы понимали, что это далеко не так. Еще Беркли писал, что «в обыденной жизни могут сохраняться те или иные фразы, пока они вызывают в нас надлежащие чувства или расположения к действию в таком направлении, которое необходимо для нашего благосостояния, как бы ложны они ни были в строгом и умозрительном смысле. Это даже неизбежно, так как, поскольку соответствие выражений определяется обычаем, речь подчиняется господствующим мнениям, которые не всегда бывают самыми верными».³² Фридрих Ницше справедливо заметил, что «не победа науки является отличительной чертой нашего XIX века, но победа научного метода над наукой» («Воля к власти»).

В XIX веке произошел радикальный пересмотр всего прежнего мировоззрения, прежних теорий и гипотез. Напомним, что гипотеза – это предположение, которое носит вероятностный характер, и поэтому требует обоснования и проверки. Если в ходе проверки содержание гипотезы не согласуется с эмпирическими данными, то оно отвергается. Если же гипотеза подтверждается, то можно говорить о той или иной степени ее вероятности. Чем больше найдено фактов, подтверждающих гипотезу, тем выше ее вероятность. В этом случае гипотезы становятся теориями. Теория – это логически обоснованная и проверенная на практике система знаний, дающая целостное отображение закономерных и существенных связей в определенной области объективной реальности. Теория представляет собой систему истинного, уже доказанного, подтвержденного знания о сущности явлений, высшую форму научного знания.³³

Сегодня объем наших знаний по-прежнему несравним с тем, чего мы не знаем. Мы не знаем даже размеров нашей Вселенной, поскольку, когда мы наблюдаем источники света, расположенные на большом расстоянии, количество получаемого света резко уменьшается, так как фотоны теряют энергию по мере того, как возрастает длина волны. Поэтому, как пишет современный физик и математик Дж. Р. Эллис, «на все более далеких расстояниях Вселенная как будто тает во мгле».³⁴

Как справедливо замечают американские ученые А. Уиггинс и Ч. Уинн, «по мере расширения освещаемого наукой пространства увеличивается и обступающий его мрак».³⁵ В этой связи следует отметить, что западный стиль научного мышления коренным образом отличается от восточного. Индийский мыслитель Бхагаван Шри Раджниш, более известный как Ошо, полагал, что, в отличие от западного философского метода, «индийский путь рассуждения объясняет вывод в начале, затем обсуждает метод и порядок действий, сперва вывод, затем метод. Западный путь ставит метод на первое место, затем исследование и, наконец, вывод... Западный метод очень подходит для тех, кто ищет истину посредством думания о ней. Этот метод рассуждений подобен попытке найти нечто темной ночью с помощью маленькой лампы. Ночь черна как смоль, и лампа неясно освещает землю на три – четыре фута. Виден лишь небольшой

³² Беркли Дж. Сочинения. М., 2000. С. 160.

³³ Стемин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.

³⁴ Великие мыслители о великих вопросах. Современная западная философия / Под ред. Р. А. Варгезе. М., 2000. С. 279–280.

³⁵ Уиггинс А., Уинн Ч. Пять нерешенных проблем науки. М., 2005. С. 22.

ключок земли, большая часть остается невидимой. И вывод, к которому приходят относительно того, что видится, будет гипотетическим. Через некоторое время, по мере того как человек с лампой продвигается, он видит немного больше, и возникает необходимость пересмотреть или изменить вывод». Если истину приходится так часто пересматривать, то на каком основании их считают истинами? В противоположность этому индийский метод подобен вспышке молнии, которая на короткое время делает все видимым одновременно.³⁶

XVIII и XIX века почти не были ознаменованы действительными научными революциями, поскольку все исследования велись в рамках механистического подхода. Если появлялась новая концепция, то она не «взрывала» всю науку, но продвигалась вперед постепенно и не без сопротивления. Как писал об этом М. Планк, «великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения и обращения своих противников, редко бывает, что „Саул становится Павлом“. В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей».³⁷ Подобной точки зрения придерживался и английский физик Эрнест Резерфорд: «Три стадии признания научной истины: первая – „это абсурд“, вторая – „в этом что-то есть“, третья – „это общеизвестно“».³⁸

Лишь с начала XX века ученых стал волновать вопрос об объективности научного познания и о соответствии научных гипотез действительности. Отец конвенционализма, французский математик Анри Пуанкаре считал, что законы науки не относятся к реальному миру, а представляют собой произвольные соглашения между учеными – конвенции, которые должны служить наиболее удобному и полезному описанию соответствующих явлений. Каждый раз, когда опытные данные не согласовывались с предсказаниями существующей гипотезы, приходилось пересматривать гипотезу. Следовательно, как говорил Анри Пуанкаре, «наука – это кладбище гипотез».³⁹

Бельгийский писатель Морис Метерлинк писал в тот период: «До сих пор острие вращения мира состояло, как нам казалось, из сил духовных; ныне мы убеждены, что оно состоит из энергий чисто материальных. Мы льстим себя надеждой, что в царстве истины свершился великий переворот. На самом же деле, в республике нашего невежества произошла лишь перемена эпитетов, так сказать, словесная революция, ибо термины „дух“ и „материя“ – лишь атрибуты того же неизвестного, могущие заменять друг друга. Но если и верно, что сами по себе эти эпитеты имели значение лишь словесное, ибо тот и другой, по всей вероятности, неточны и так же мало выражают реальное, как эпитет „Атлантический“ или „Тихий“, применяемый к океану, не представляет его сущности, – тем не менее, смотря по тому, привязываемся ли мы исключительно к первому или ко второму, они имеют огромное влияние на наше будущее, нашу мораль и, следовательно, на наше счастье. Мы блуждаем вокруг истины, имея проводниками лишь гипотезы, которые вместо костров зажигают несколько дымящих, но магических слов».⁴⁰

Философы межвоенного Венского кружка сформулировали принцип верифицируемости, согласно которому истинность всякого утверждения о мире должна быть установлена путем его сопоставления с чувственными данными. Вслед за ними Карл Поппер (1902–1994) предложил принцип фальсификации, способ проверки истинности теоретических утверждений посредством их опровержения путем сопоставления с полученными в результате опыта эмпирическими данными. Теоретическое высказывание считается опровергнутым, если его отрицание логически следует из множества совместимых между собой утверждений наблю-

³⁶ Ошо. Начало начал. Пульс абсолюта. Беседы об Ишавасья-Упанишадах. М., 1993. С. 109–110.

³⁷ Планк М. Избранные труды. М., 1975. С. 656–657.

³⁸ Цит. по: Душенко К. В. Большая книга афоризмов. М., 2002. С. 491.

³⁹ Пуанкаре А. О науке. М., 1983.

⁴⁰ Метерлинк М. Разум цветов. М., 1995. С. 108.

дателя. Согласно Попперу, статусом научности обладают лишь такие высказывания, которые в принципе могут быть фальсифицированными. Как писал философ в работе «Какой мне видится философия», «мы не можем одновременно быть интеллектуальными трусами и заниматься поисками истины. Стремящийся к истине должен осмелиться быть мудрецом – он должен осмелиться быть революционером в сфере мышления». Впрочем, Поппер сделал одну очень важную оговорку: «Я не требую, чтобы каждое научное высказывание *было действительно проверено*, прежде чем оно будет принято. Я требую только, чтобы каждое такое высказывание *допускало* проверку, или, иначе говоря, я отказываюсь принять точку зрения, согласно которой в науке существуют высказывания, которые нам следует покорно принять как истинные только потому, что проверить их представляется невозможным по логическим основаниям».⁴¹

Полемизируя со школой Пуанкаре, Поппер отметил, что «всякий раз, когда „классическая“ система сегодняшнего дня сталкивается с результатами новых экспериментов, которые, согласно моей точке зрения, можно интерпретировать как фальсификации, конвенционалист не будет считать эту систему поколебленной. Он либо объяснит возникшие противоречия нашим неумелым использованием системы, либо устранил их посредством принятия тех или иных вспомогательных гипотез *ad hoc*, либо, возможно, с помощью определенной коррекции наших измерительных инструментов».⁴² Итак, «мы должны привыкнуть к мысли о том, что на науку следует смотреть не как на „корпус знания“, а как на систему гипотез, т. е. как на систему догадок или предвосхищений, которые в принципе не могут быть оправданы, и которыми мы пользуемся до тех пор, пока они выдерживают проверки. Мы никогда не имеем права сказать, будто знаем, что они „истинны“, „более или менее вероятны“ или хотя бы „вероятны“».⁴³

К теории же подлинно «научных революций» обратился известный философ Томас Кун. Как он отмечает в своей работе «Структура научных революций», «нормальная наука основывается на допущении, что научное сообщество знает, каков окружающий нас мир. При этом наука часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки. Тем не менее, когда специалист не может больше избежать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, – начинаются нетрадиционные исследования, которые в конце концов приводят всю данную отрасль науки к новой системе. Это называется научной революцией».⁴⁴ Интеллектуальный прогресс состоит из замены одной парадигмы, которая перестала находить объяснения новым или вновь открытым фактам, иной парадигмой, которая более удовлетворительно толкует эти факты. При этом, «принимаемая в качестве парадигмы теория должна казаться лучшей, чем конкурирующие с ней другие теории, но она вовсе не обязана (и фактически этого никогда не бывает) объяснять все факты, которые могут встретиться на ее пути».⁴⁵ «Столкнувшись с аномалией или кризисом, ученые занимают различные позиции по отношению к существующим парадигмам... Увеличение конкурирующих вариантов, готовность опробовать что-либо еще, выражение явного недовольства, обращение за помощью к философии и обсуждение фундаментальных положений – все это симптомы перехода от нормального исследования к экстраординарному».⁴⁶ При этом наиболее важно и актуально, что «во время революции, когда начинает изменяться нормальная научная традиция, ученый должен научиться заново воспринимать окружающий мир».⁴⁷ Как отмечают известные американские ученые-популяризаторы А. Уиггинс и Ч. Уинн в книге «Пять нере-

⁴¹ Поппер К. Логика научного исследования. М., 2004. С. 45.

⁴² Там же. С. 73.

⁴³ Там же. С. 289.

⁴⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 22–23.

⁴⁵ Там же. С. 37–38.

⁴⁶ Там же. С. 127.

⁴⁷ Там же. С. 152.

шенных проблем науки», «повременим с осмеянием представлений четырехсотлетней давности, представив, сколь наивными окажутся наши взгляды спустя четыре века». ⁴⁸

В этой главе мне также хотелось бы обратиться к оригинальной методологической теории немецко-американского философа Пауля Фейерабенда, изложенной им в книге «Против методологического принуждения» и ряде других работ. Концепция Фейерабенда, по сути дела, и лежит в основе этой книги. Ученый был убежден, что наука не является рациональной деятельностью, то есть, что ее можно подчинить некоторым разумным стандартам и нормам. Наоборот, он полагал, что наука носит анархический характер, поскольку ученые постоянно отбрасывают сложившиеся рационалистические правила, а конкурентная борьба несовместимых теорий служит источником подлинного научного прогресса. Наука может опираться на мифологию, религию, фантазию и суждения дилетантов, иначе говоря, *не должна* отказываться от знания, полученного «ненаучными» средствами. Поэтому Фейерабенд призывает развивать гипотезы, несовместимые с установленными фактами и обоснованными теориями. «Не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая не способна улучшить наше познание. Вся история мышления конденсируется в науке и используется для улучшения каждой отдельной теории. Нельзя отвергать даже политического влияния, ибо оно может быть использовано для того, чтобы преодолеть шовинизм науки, стремящейся сохранить *status quo*», – пишет он. ⁴⁹

Философ убежден, что «разделение науки и не науки не только искусственно, но и вредно для развития познания. Если мы действительно хотим понять природу, если мы хотим преобразовать окружающий нас физический мир, мы должны использовать *все* идеи, *все* методы, а не только небольшую избранную их часть. Утверждение же о том, что вне науки не существует познания (*extra scientiam nulla salus*), представляет собой не более чем еще одну очень удобную басню. Первобытные племена имели более разработанные классификации животных и растений, чем современные научные зоология и ботаника, им были известны лекарства, эффективность которых изумляет медиков (в то же время фармацевтическая промышленность уже почувствовала здесь новый источник доходов), у них были средства влияния на соплеменников, которые наука длительное время считала несуществующими (колдовство), они решали сложные проблемы такими способами, которые до сих пор все еще не вполне понятны (сооружение пирамид, путешествия полинезийцев). В древнекаменном веке существовала высоко-развитая астрономия, пользовавшаяся международной известностью. Эта астрономия была как фактуально адекватной, *так и* эмоционально подходящей, *ибо она решала и физические и социальные проблемы* (чего нельзя сказать о современной астрономии) и была проверена очень простыми и изобретательными способами... Было осуществлено приручение животных, изобретен севооборот, благодаря устранению перекрестного оплодотворения выведены и очищены новые виды растений, сделаны химические изобретения; существовало поразительное искусство, сравнимое с лучшими достижениями настоящего времени. Правда, не было коллективных посещений Луны, но отдельные индивиды, пренебрегая величайшими опасностями для души и психики, совершали путешествия от одной небесной сферы к другой, пока не достигали наконец того, что могли лицезреть самого Бога во всей его славе, в то время как другие совершали превращения в животных и вновь превращались в людей. Во все времена человек смотрел на свое окружение широко раскрытыми глазами и старался понять его своим пытливым умом; во все времена он совершал удивительные открытия, из которых мы всегда можем почерпнуть интересные идеи». ⁵⁰

⁴⁸ Уиггинс Л., Уинн Ч. Пять нерешенных проблем науки. М., 2005. С. 61.

⁴⁹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 142.

⁵⁰ Там же. С. 463–464.

Фейерабенд доказал, что успех Галилея имел место не потому, что итальянец был единственно прав, но ввиду того, что он успешно рекламировал свои успехи и скрывал промахи. Он писал: «Государство и наука тесно связаны. На развитие научных идей расходуются громадные средства. Даже такая область, как теория науки, которая заимствует у науки ее имя, но не дает ей ни одной плодотворной идеи, финансируется далеко не соразмерно ее реальной ценности. В общеобразовательных школах изучение почти всех областей науки является обязательным. В то время как родители шестилетнего малыша могут решать, воспитывать ли из него протестанта, католика или атеиста, они не обладают такой свободой в отношении науки. Физика, астрономия, история *должны* изучаться. Их нельзя заменить астрологией, натуральной магией или легендами. В наших школах не довольствуются просто *историческим* изложением физических (астрономических, исторических и т. п.) фактов и принципов. Не говорят так: существовали люди, которые *верили*, что Земля вращается вокруг Солнца, а другие считали ее полый сферой, содержащей Солнце. А провозглашают: Земля *вращается* вокруг Солнца, а все остальное – глупость. Наконец, принятие или отбрасывание научных фактов и принципов полностью отделено от демократического процесса информирования общественности, обсуждения и голосования. Мы принимаем научные законы и факты, изучаем их в школах, делаем их основой важных политических решений, даже не пытаемся поставить их на голосование. Изредка обсуждаются и ставятся на голосование конкретные предложения, но люди не вмешиваются в процесс создания общих теорий и основополагающих фактов. Современное общество является „коперниканским“ вовсе не потому, что коперниканство было подвергнуто демократическому обсуждению, поставлено на голосование, а затем принято большинством голосов. Общество является „коперниканским“ потому, что коперниканцами являются *ученые*, и потому, что их космологию сегодня принимают столь же некритично, как когда-то принимали космологию епископов и кардиналов. Это слияние государства и науки ведет к парадоксу, мучительному для демократии и либерального мышления».⁵¹

П. Фейерабенд говорит о бесполезности многих ведущихся научных исследований. Они пишет, что «тратятся миллионы долларов, привлекаются тысячи высокообразованных сотрудников, отдаются годы напряженной работы – и все это для того, чтобы дать возможность некоторым весьма недалеким и неспособным к членораздельному выражению своих чувств современникам совершить несколько неуклюжих скачков в горячей, сухой безвоздушной каменной пустыне – в таком месте, куда вряд ли по собственной воле отправится человек в здравом уме и на трезвую голову». От себя добавим, что, к сожалению, эти скачки ученые совершают не только в относительно безопасной пустыне, но и на минном поле с ядерными зарядами, таща за собой при этом все человечество. Главная проблема науки в том, что она *никогда* не осознает последствий того, чем она занимается.

Ссылаясь на «Заявление 186 ведущих ученых» против астрологии, П. Фейерабенд заявляет: «Что удивляет читателя, воспринимающего науку, согласно обычному трафарету, как царство рациональности, объективности, надпартийности, так это религиозный тон, безграмотность „аргументации“ и авторитарная манера изложения. Ученые джентльмены уверены в истинности своих воззрений, используют свой авторитет для их распространения (зачем 186 подписей, если есть аргументы!). Им известно несколько фраз, звучащих как доказательство, однако они полностью невежественны в той области, о которой взялись судить».⁵² В этой связи хотелось бы провести параллель с вышедшей в 1931 г. в Лейпциге книгой «Сто авторов против Эйнштейна», в которой отрицалась теория относительности. Узнав про эту книгу, Эйнштейн сказал: «Если бы я был неправ, хватило бы и одного возражающего специалиста».⁵³

⁵¹ Там же. С. 128–130.

⁵² Цит. по: Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? Критические очерки. М., 1984. С. 160.

⁵³ Новиков И. Куда течет река времени? М., 1990. С. 64.

Нельзя не вспомнить следующий исторический факт. Однажды друг Сократа Херефонт обратился к дельфийскому оракулу с вопросом, есть ли на свете кто-нибудь более ученый, чем Сократ. Ответ оракула был отрицательным. Услышав об этом, Сократ, который считал, что знает мало, но и не сомневавшийся в словах Бога, пришел к выводу, что поскольку Бог – единственный, кто действительно мудр и все знает, то слова оракула должны означать, что самый умный человек тот, кто готов признать у себя отсутствие знания.⁵⁴

Одной из форм общественного протеста против материализации жизни стал массовый уход людей в мистицизм. Он произошел на благодатной почве увеличения интереса к так называемым паранормальным явлениям. Явления эти традиционной механистической наукой не признаются, поскольку они «противоречат разуму». Как совершенно справедливо заметил К. Фламарион, материализм – это лишь по видимости научная теория, «которая не желает подвергать анализу кое-какие вещи, проявляя тем самым свою беспомощность...»⁵⁵ Британский философ Дж. Беркли в свою очередь писал: «Находятся люди, которые недовольно морщатся, сталкиваясь с какими-либо непостижимыми тайнами у всех других, в то же время не видят ничего трудного в таких же непостижимостях у себя самих, которые подавляться комаром, но проглотят верблюда».⁵⁶ Наконец, американский психолог У. Джеймс констатировал, что мир мистических переживаний «представляет собой не менее сложное строение, чем наш мир. В нем есть свое небо и свой ад, свои искушения и свои освобождения; свои истины и свои иллюзии, как это встречается и в нашем мире, хотя он и несоизмеримо обширнее последнего... И если мы хотим приблизиться к совершенной истине, мы должны серьезно считаться с обширным миром мистических восприятий».⁵⁷

Теперь, по мнению Т. М. Фисанович, необходимо «сделать смелый шаг, обратиться к своей интуиции и здравому смыслу, чтобы связать друг с другом различные факты, и, кроме того, быть готовым пожертвовать своей репутацией, чтобы отстоять теории, не устраивающие общественное мнение».⁵⁸

К сожалению, ученые еще и сегодня избегают прямых дискуссий по поводу некоторых необъяснимых явлений, но отдельные исследователи к их чести все же не проходят мимо этой темы. Так, покойный профессор Е. А. Торчинов отмечал, что «научное описание различных паранормальных феноменов, засвидетельствованных авторитетными специалистами, могло бы сыграть важную роль в трансформации самой научной методологии и научной парадигмы, особенно в условиях начавшегося разложения старой парадигмы (прежде всего в теоретической физике)».⁵⁹

Современный исследователь М. Карпенко пишет, что «сейчас необходим поворот от полемики в стиле „а кто ты такой?“ к рассмотрению всего множества гипотез, включая самые экзотические. Нужна спокойная, в рамках хотя бы элементарных приличий, дискуссия, где могли бы быть высказаны любые „еретические“ взгляды. И не надо никакой „непримиримой борьбы“, никому не надо „давать решительный отпор“ и никого не надо объявлять ничьим врагом».⁶⁰ При этом, как справедливо замечает С. Сперанский, «критика не должна напоминать известную миниатюру: „Ты – не кассир, ты – убийца!“ – „Но где же кассир?“ – „Закопал!“ – „Но вот мой паспорт!“ – „Подделал!“ – „Вот фотография!“ – „Вклеил!“ и т. д. Всегда можно предъявить такие требования к „доказательности“ эффектов, которые немислимо соблюсти в принципе. На что, кроме научного подхода, можно надеяться, дабы отличить шарлатанов и

⁵⁴ Вилкокс Л. Суфизм и психология. М.; СПб., 2005. С. 185.

⁵⁵ Фламарион К. Тайны смерти. М., 2005. С. 26.

⁵⁶ Беркли Дж. Сочинения. М., 2000. С. 390.

⁵⁷ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. С. 333.

⁵⁸ Фисанович Т. М. Таинственный мир пирамид. М., 2002. С. 389.

⁵⁹ Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2007. С. 51.

⁶⁰ Карпенко М. Вселенная разумная. М., 2001. С. 85–86.

лжепророков, которым несть числа, от людей, действительно имеющих доступ к необычным каналам информации? Как иначе понять, освоить, приумножить все то, что может помочь человеку?.. Высокое имя науки не должно отождествляться с агонизирующей научной парадигмой, которая без устали отшвыривает от себя неудобные факты. Науке настало время взглянуть на всю до недавнего времени запретную область не „боковым зрением“, а в упор. Пора ликвидировать позорный разрыв между требованиями времени и полнейшей неготовностью на них ответить».⁶¹

Мир переживаний напрямую связан с физиологическими особенностями человека, точнее, с его ощущениями. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкусовые ощущения – вот что формирует представления индивидуума об окружающем его мире. Лишите его одного или нескольких из этих факторов, и окружающий мир для него полностью изменится. Но ведь не все виды живых существ обладают полным набором ощущений, представления крота отличаются от представлений рыбы или птицы. Поскольку человек не является вершиной животного мира (он сам голословно объявил себя таковым), то кто докажет, что он обладает всеми необходимыми видами ощущений для осуществления действительно объективного процесса познания окружающего мира? В области, где хозяйничает человек слишком много провозглашенного, но не доказанного. Едва столкнувшись с вещами, которые он объяснить не может, человек испытывает страх, или же вовсе старается предать их запрету и забвению, отрицая их существование.

Таким образом, как сказал основатель Римского клуба А. Печчеи, «впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром действительно нависла реальная угроза неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, еще сегодня не задумывается над необходимостью изменить не только свой собственный образ жизни, но и жизнь своей семьи, своей страны. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение».⁶²

Таким образом, в XX веке было положено начало великому интеллектуальному процессу, выразившемуся в научных революциях. Философами науки (Анри Пуанкаре, Карлом Поппером, Томасом Куном и Паулем Фейерабендом) было признано, что между «мифом» и «наукой» не так уж много различий. Оба они создаются с целью объяснить непонятные человеку вещи, вне зависимости от того, насколько эти объяснения соответствуют реальности. Мифы устаревают, когда в них перестают верить, и тогда они заменяются другими, но разве не то же самое происходит с научными теориями? Речь идет не о поиске правды, но лишь о временном успокоении стремления познать непознанное. В конечном счете, «научные данные» отражают не столько реальное положение дел в объективном мире, сколько уровень интеллектуальной фантазии конкретных ученых, пытающихся ответить на вопрос «как?» вместо «почему?». Происходит лишь смена научных парадигм, свидетельствующая о развитии интеллекта, но не о прояснении сущности явлений. Предмет падает на землю не потому, что существует сила тяжести, но чисто умозрительная концепция «силы тяжести» помогает ученому сделать вид, будто он понимает, почему предмет падает на землю.

⁶¹ Сперанский С. Болото или Вселенная? // <http://www.mifoskop.ru/clt02.html>

⁶² Цит. по: Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г. Тайны будущего. Прогнозы на XXI век. М., 2000. С. 442–443.

Глава II Роль теории относительности

У меня в голове пока никак не укладывается, что надо применять такие совершенно абстрактные рассуждения и понятия для объяснения явлений природы. Но молодые подчас придерживаются иного мнения на этот счет, и надо надеяться, что они не застрянут навсегда в высочайших сферах, ибо несомненно, что еще бесконечное множество открытий можно сделать, и развить их нужно только простыми способами, чтобы продвинуться в познании природы.

В. Рентген по поводу теории относительности

Астрономия доказала, что мы видим космические объекты не такими, какими они являются в действительности, но с запаздыванием на определенное количество световых лет. Как астрономическая единица измерения, световой год соответствует расстоянию, проходящему за год светом, который распространяется в вакууме со скоростью 300 000 км в секунду, световой год приблизительно равен 10 000 млрд км. Учитывая расстояние от Луны до Земли (356 тыс. км), мы можем констатировать визуальное запаздывание в 1,1 секунду. Важно отметить, что этот принцип верен и для более мелких расстояний, даже тех, которые представляются нам обыденными. Так, если расстояние между объектом и субъектом представить как один метр, то запаздывание будет равняться $1/300000000$ секунды – величине, абсолютно незаметной для наблюдателя, но, тем не менее, существующей. Иначе говоря, субъект может наблюдать окружающие его объекты не такими, какими они являются по отношению к самим себе, но только с некоторым запаздыванием. Мы видим объект таким, каким он был в момент, когда его покинул свет. Все, что мы видим вокруг себя – близкое или далекое прошлое.

Столь же относительными являются и измерительные характеристики окружающего пространства. Как пишет А. Пуанкаре, «вообразим себе, что за одну ночь все размеры Вселенной возросли в тысячу раз. Мир остался бы подобен самому себе... Все сведется к тому, что предмет, имевший метр в длину, будет измеряться километром; предмет имевший миллиметр, возрастет до метра. Постель, на которой я лежал, и само мое тело возрастут в одной и той же пропорции. Что же почувствую я на следующее утро, проснувшись после такого поразительного превращения? Я попросту ничего не замечу».⁶³

Свое логическое на то время завершение теория относительности получила в работах выдающегося немецкого физика Альберта Эйнштейна. Ученый сделал вывод о том, что скорость света, представляющая собой максимальную скорость передачи сигналов, конечна и имеет одну и ту же величину для всех наблюдателей, вне зависимости от их движения. Следовательно, понятия абсолютной одновременности и абсолютного времени неверны, поскольку каждая система отсчета имеет свое собственное время. Во всех системах отсчета, движущихся по отношению друг к другу равномерно и прямолинейно, действуют одни и те же законы природы, и что скорость света в вакууме одинакова для всех инерциальных систем отсчета, поскольку эта скорость предельна. Расстояние не является абсолютной величиной, а зависит от скорости движения тела относительно данной системы отсчета. Эйнштейн полагал, что всякое тело отсчета (система координат) имеет свое особое время; указание времени имеет смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчета, к которому оно относится. Отождествление моментов времени двух событий имеет смысл, когда эти события рассматриваются в пределах некой определенной системы отсчета. События, одновременные в одной системе отсчета, оказываются неодновременными в другой системе отсчета. Размеры быстродвижущихся тел

⁶³ Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 338–339.

сокращаются по сравнению с длиной покоящихся тел, а при приближении скорости тела к скорости света его размеры будут приближаться к нулю.⁶⁴

Человек, улетевший в космос со скоростью 99 % от скорости света, после трехлетнего пребывания на космическом корабле обнаружит, что на земле уже прошло 50 лет. В этой связи хочется обратить внимание на один существенный момент. Например, свету от вспыхнувших сверхновых звезд пришлось добираться до Земли около 4–8 миллиардов лет, и это притом, что возраст самой Вселенной оценивается в 13,7 миллиардов лет. Сегодня телескопы могут покрывать расстояния в несколько миллиардов световых лет, где находятся границы наблюдаемой Вселенной. Физики-теоретики утверждают, что в случае космического путешествия, например, к центру нашей Галактики на фотонной ракете при скорости, близкой к скорости света, время в пути займет по земным часам около шестидесяти тысяч лет, а по часам на ракете – всего сорок. Поэтому космонавты смогут вернуться на Землю лишь через шестьдесят тысяч лет. Исходя из этого возникают два вопроса. Во-первых, это путешествие, равно как и его результаты, будет иметь значение лишь для участвующих в нем космонавтов, но не людей, остающихся на Земле. Они умрут прежде, чем узнают о результатах этого опыта. Более того, произойдет смена тысяч поколений. Во-вторых, что еще более существенно, мало кто может сомневаться в том, что человечеству будут отпущены эти шестьдесят тысяч лет, учитывая ту скорость, с которой оно стремится к самоуничтожению. Космонавты не смогут вернуться в прошлое, поскольку теория относительности ничего не говорит о возможности таких путешествий. А ведь в данном случае речь идет всего лишь о путешествии в центр нашей Галактики, а не куда-либо на задворки Вселенной. Поэтому с практической точки зрения теория относительности бесполезна, даже если бы человечеству удалось изобрести способ перемещаться в пространстве со скоростью света. Далее: если избрать в качестве точки отсчета субъективное сознание самого космонавта, то можно отметить, что при «парадоксе близнецов» происходит вовсе не приближение к скорости света, а замедление восприятия организмом внешних факторов, в том числе света. Эта теория будет подробно рассмотрена далее.

Подвергается заметной эрозии и сама теория Эйнштейна. 23 сентября 2011 года на конференции в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН) было объявлено, что в ходе эксперимента в подземной лаборатории Гран-Сассо (Италия) получены данные, согласно которым субатомная частица нейтрино может двигаться со скоростью, превышающей скорость света на 25 ppm. Статистическая обработка 16 000 событий в детекторе, связанных с регистрацией мюонных нейтрино, пролетевших 730,5 км от ЦЕРНа до Гран-Сассо, показывает, что, в видимом противоречии с теорией относительности, нейтрино проходят это расстояние на 61 наносекунду быстрее света. Статистическая и систематическая погрешность, оцененная авторами, в 6 раз меньше этой величины. Вскоре, правда, ученые испугались такого антиэйнштейновского прорыва, и заявили, что ошиблись.

В любом случае, путешествие на огромные расстояния, на преодоление которых даже скорости света требуется значительное время, не могло бы быть осуществлено даже с помощью изобретения нового сверхмощного топлива. Однако человечество так давно жаждало таких путешествий, что можно говорить даже о мечте о новом рае, который затерялся где-то на задворках Вселенной, но который хотят найти и обрести. В XX веке концепция относительности стала успешно развиваться. В 1935 г. появилась теория А. Эйнштейна и математика Н. Розена под названием «мост Эйнштейна-Розена», в соответствии с которой перемещение во Вселенной возможно при помощи нор, соединяющих различные точки трехмерного мира по более короткому пути в четвертом измерении. С 1989 г. в научных изданиях вновь стали активно появляться теоретические статьи о путешествиях во времени с помощью «червоточин» и черных дыр. Черные дыры – это области пространства, в которых гравитационное при-

⁶⁴ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1965.

тяжение настолько велико, что ни вещество, ни излучение не могут их покинуть. Черная дыра отделена от остального пространства «горизонтом событий» – поверхностью, на которой космическая скорость равна скорости света. Поскольку в природе ничто не может двигаться с большей скоростью, никакой носитель информации не может выйти из-под горизонта событий. Поэтому внутренняя часть черной дыры причинно не связана с остальной Вселенной; происходящие «под поверхностью» черной дыры физические процессы не могут влиять на процессы вне ее. В то же время, вещество и излучение, падающее снаружи на черную дыру, может свободно проникать через горизонт событий.

В рамках теории гравитации Эйнштейна свойства черных дыр изучены довольно подробно. Там имеют место серьезные временные аномалии. Вблизи черной дыры время течет медленнее, чем вдали от нее. Если удаленный наблюдатель бросит в сторону черной дыры зажженный фонарь, то увидит, как фонарь будет падать все быстрее и быстрее, но затем, приближаясь к кротовой норе дыры – поверхности Шварцшильда, он начнет замедляться, а его свет будет тускнеть и краснеть (поскольку замедлится темп колебания всех его атомов и молекул). С точки зрения далекого наблюдателя, фонарь практически остановится и станет невидим, так и не сумев пересечь поверхность черной дыры. Но если бы наблюдатель сам прыгнул вместе с фонарем, то он за короткое время пересек бы поверхность Шварцшильда и упал к центру черной дыры, будучи при этом разорван ее мощными приливными силами. Все вещество внутри черной дыры непременно падает к ее центру и образует сингулярность с бесконечно большой плотностью. Английский физик Стивен Хокинг определяет сингулярность как «место, где разрушается классическая концепция пространства и времени так же, как и все известные законы физики, поскольку все они формулируются на основе классического пространства-времени».⁶⁵

Признанным лидером нового направления в науке – теории кротовых нор (червоточин) стал американский физик и астроном Кип Стивен Торн. В 1988 г. он опубликовал с соавторами статью, в которой показал, что построение машины времени не противоречит теориям, принятым в настоящее время научным сообществом. Он писал, что согласно эйнштейновской теории тяготения – общей теории относительности четырехмерное пространство-время, в котором мы живем, искривлено, а знакомая всем гравитация и есть проявление такого искривления, а если пространство кривое, то почему бы ему не принять, к примеру, форму трубы, коротко соединяющей области, разделенные сотнями тысяч световых лет, или, допустим, далекие друг от друга эпохи? Тем не менее, путешествовать во времени таким образом невозможно, поскольку нора настолько быстро схлопывается, что сквозь нее не пролетит ни корабль, ни массивная частица, ни даже луч света. Кольцо червоточины сингулярно, то есть кривизна пространства-времени на нем обращается в бесконечность, но все точки внутри него вполне нормальны, и движущееся там тело не испытывает никаких катастрофических воздействий.⁶⁶

Некоторые ученые считают, что использование кротовых нор невозможно, поскольку черные дыры очень далеки от нашей планеты. Есть и другая теория: кротовые норы существуют не только в космическом пространстве, но и непосредственно на Земле (места переходов). Этим и объясняются внезапные исчезновения людей без всякого следа и другие аномальные явления. Одной из таких зон называют Бермудский треугольник.

Следует отметить, что устройство микромира по своей сложности приближается к устройству Вселенной. Такие понятия как «микромир» и «мегамир» сами по себе не существуют отдельно от человека, которому удобно использовать эти, может быть не совсем корректные термины, в процессе познания окружающего мира. В этом и состоит очень серьезная проблема, когда различные ипостаси действительности изучаются представителями различных

⁶⁵ См. подробно: Черные дыры. Мембранный подход. М., 1988.

⁶⁶ Бронников К. Кротовые норы или черные дыры // <http://galspace.spb.ru/index68-2.html> (2009).

видов науки: микромир – биологами и физиками, макромир – астрономами и астрофизиками, причем взаимодействие между этими отраслями науки значительно ниже, чем могло бы быть.

Глава III Пространственно-временные концепции

Старая легенда гласит, что когда боги создавали человеческую расу, то они спорили, куда поместить секреты жизни, чтобы их не слишком легко было найти. Один бог хотел спрятать их на вершине горы, другой – в недрах земли, тогда как еще один сказал: «Положите их на дно моря. Они там их никогда не найдут». Но ни одно из решений не удовлетворяло всех. Наконец один из богов сказал: «Давайте поместим это знание внутри них. Они никогда не заглянут туда!»

Сьюзан Холбиш

Мы знаем нашу сокровенную, нашу глубокую внутреннюю сущность несколько не лучше, чем ее знали люди два или три тысячелетия назад.

Камиль Фламарион

В одном из своих стихотворений персидский поэт XIII века Джалал аддин Руми рассказывал, как он искал Бога на кресте в христианской церкви, в индуистском храме, буддийском монастыре и в Каабе, но нигде не нашел его. Но стоило ему заглянуть в свое собственное сердце, как он обрел Бога, живущего там. Обращаясь к богословам-схоластам, Руми говорит: «Когда же вы перестанете кланяться кувшинам и обратите внимание на воду!»⁶⁷

Главной особенностью западного мышления является убеждение в обособленности человека от природы, субъекта от объекта. На Востоке всё по-другому. Индийский философ Рамана Махарши замечает: «Сейчас вы думаете, что вы – личность, вокруг вас находится Вселенная, а вне Вселенной пребывает Бог. В этом и состоит идея разделения. От нее необходимо избавиться. Потому что Бог неотделим и от вас и от Космоса».⁶⁸

Как же современная западная наука определяет понятия пространства и времени? По ее мнению, материя – это бесконечное множество всех сосуществующих в мире объектов и систем, совокупность их свойств, связей, отношений и форм движения. Материя включает в себя не только все непосредственно наблюдаемые объекты и тела природы, но и все те, которые не даны человеку в его ощущениях. Материю делят на неживую и живую природу. К первой относят элементарные частицы, атомы, молекулы, поля, макроскопические тела, планеты и планетные системы, звезды и звездные системы, галактики и Вселенную в целом. Ко второй – белки и нуклеиновые кислоты, клетки и одноклеточные организмы, многоклеточные организмы, органы и ткани, популяции, биоценоз, живое вещество планеты. Пространство обладает двумя общими свойствами. Первое – *протяженность*, рядоположенность, существование и связь различных элементов (точек, отрезков, объемов и т. д.), возможность прибавления к данному элементу некоторого следующего либо возможность уменьшения числа элементов. Протяженность пространства проявляется как единство прерывности и непрерывности в его структуре. Второе – *трехмерность*, то есть все известные материальные процессы и явления реализуются в пространстве трех измерений – длины, широты и высоты.

Что касается времени, то считается, что оно обладает тремя общими свойствами. *Длительность* – последовательность сменяющих друг друга моментов или состояний, возникновение за каждым данным интервалом времени последующего. Длительность предполагает возможность прибавления к каждому данному моменту времени другого, а также возможность

⁶⁷ Цит. по: Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2007. С. 524.

⁶⁸ Цит. по: Вандерхилл Э. Мистики XX века. М., 1996. С. 254.

деления любого отрезка времени на меньшие интервалы. Длительность бытия объектов во времени выступает как единство непрерывного и прерывного. Общая непрерывность времени проявляется в постоянном переходе предшествующих состояний в последующие, однако конкретные объекты материального мира имеют начало и конец, поэтому можно говорить о прерывности бытия конечных материальных объектов. *Необратимость* времени – однонаправленное изменение от прошлого к будущему, то есть прошлое, порождая настоящее и будущее, переходит в них. *Одномерность* времени – линейная последовательность событий, связанных между собой.

Нельзя сразу же не отметить субъективный характер как пространства, так и времени. Пространство и расстояния столь же условны, как и время. Людям, находящимся на Земле, кажется, что размер Луны и расстояние до нее значительно меньше, нежели это имеет место быть на самом деле. Лишь по мере приближения к Луне на космическом аппарате эта иллюзия рассеивается, но только для космонавтов. Большинству человечества, лишенному возможности отправиться в космос, приходится верить ученым-теоретикам и практикам-космонавтам на слово. Однако в действительности понятие «Луны» для субъекта очень сильно отличается от того, чем она является сама для себя.

Древнегреческий философ Протагор из Абдер (V век до н. э.) считал, что «человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют». Иначе говоря, если человек хочет, чтобы что-то существовало, то оно будет существовать, если не хочет – не будет. Мир будет таким, каким его желает видеть человек.

Впервые к проблеме реальности и объективности пространства и времени обратилась древнегреческая философская школа элеатов. Парменид (VI–V вв. до н. э.) понимал бытие как чистую позитивность, которое ничем не порождается и не может быть уничтожено. Учение Парменида изложено в его поэме «О природе». Этот философ считал чувства обманчивыми и рассматривал чувственные вещи как иллюзии. Неистинность мира повседневной жизни коренится в его противоречивости: ни о чем здесь нельзя решить, есть оно или не есть, но все всегда как-то и есть и не есть одновременно. Истина же требует решительного различения *есть* от *не есть*. Отсюда решающее суждение Парменида: есть либо бытие, либо небытие, третьего не дано. Бытие присуще настоящему, его нет ни в прошлом, ни в будущем. Философ полагал, что все, о чем говорят и думают, – существует. Парменид сформулировал парадокс о движении в покое: существует только сущее, а вне сущего ничего не существует, следовательно, невозможно никакие изменения, а сущее – нечто вечное, однородное и бесконечное в пространстве и во времени. Иначе говоря, поскольку человек может мыслить вещь в любое время, то все, что может быть мыслимо или высказано, должно существовать всегда, поскольку слова имеют постоянное значение. Парменид говорит, что поскольку мы можем вспоминать прошлое, то оно должно существовать и в настоящее время.⁶⁹

Его последователь Зенон Элейский сформулировал так называемые апории:

1) Против множественности: если все состоит из многого, или если сущее реально делится на обособленные части, то каждая из этих частей оказывается зараз и бесконечно малой, и бесконечно великой; ибо имея вне себя бесконечное множество всех прочих частей, она составляет бесконечно малую частицу всего, но с другой стороны, слагаясь сама из бесконечного множества частиц (будучи делима до бесконечности), она представляет величину бесконечно большую. Так выходит, если признавать все частицы имеющими величину и делимыми; если же признать, что многое, т. е. частицы всего, не имеют никакой величины и потому неделимы, то выходит новое противоречие: все оказывается равным ничему. То, что не имеет величины, не может, присоединяясь к другому, его увеличивать (нуль не есть слагаемое);

⁶⁹ Рассел Б. История западной философии. СПб., 2001. С. 85–90.

поэтому и все, состоящее из неделимых, лишенных величины, само не имеет никакой величины, или есть (материально) ничто.

2) Против движения. Чтобы пройти известное пространство, движущееся тело должно сперва пройти половину этого пространства, а для этого – сначала еще половину этой половины и т. д. до бесконечности, то есть оно никогда не тронется с места; на этом основании быстроногий Ахиллес никогда не может догнать медлительную черепаху. Другой аргумент: движущееся тело, например, летящая стрела, в каждый момент движения занимает определенное пространство, то есть находится в покое и, таким образом, все движение разлагается на моменты покоя, следовательно, представляет внутреннее противоречие (так как из нулей движения нельзя составить положительную величину).

Таким образом, Элейская школа впервые в истории философии выдвинула идею единого бытия, понимая его как непрерывное, неизменное, присутствующее в любом мельчайшем элементе действительности, исключающее множественность вещей и их движение.

Другой выдающийся древнегреческий мыслитель Платон писал, что когда он бывает здоров, то находит вино сладким, но когда бывает болен, то находит его кислым. Философ обратился к теории Протагора о том, что человек есть мера всех вещей. Поскольку свиньи и обезьяны также являются воспринимающими животными, то и они являются такой мерой (впрочем, этот аргумент отвергается как оскорбительный). Далее ставится вопрос о действительности восприятия в снах и в состоянии безумия.

В трактате «Государство» Платон сравнил человеческое существование с жизнью в пещере спиной к выходу, поэтому люди могут видеть не сами вещи, а лишь тени, отбрасываемые ими, и принимают эти тени за единственные реальности. На самом деле реальностью являются идеи вещей, которые душа вспоминает на основе своего духовного опыта. Платон утверждал, что подлинное бытие – это идеальное бытие. В идеальном мире существует не конкретная вещь, а ее абстрактное понятие, которое является неизменчивым, как и его свойства. Поэтому, лицезря новую вещь, мы видим ее не впервые, а «вспоминаем». Именно Платон сформулировал критерий, позволяющий правильно ориентироваться в мире чувственных данностей: «... не во впечатлениях заключается знание, а в умозаклечениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно схватить сущность и истину, там же – нет». Ни ощущения, ни правильные мнения, ни объяснения их не дают еще знания как такового, хотя и необходимы для подступа к нему. Над ними стоит рассудочная (дискурсивная) способность, а ее превосходит созерцающий подлинное бытие ум. Этой иерархии познавательных способностей соответствуют: имя, словесное определение, мысленный образ вещи, или ее идея, независимое от нас бытие которой мы изначально предполагаем.⁷⁰

Проблема соотношения субъекта и объекта не была забыта и в Средние века. Французский мыслитель Пьер Абеляр (1079–1142) был одним из крупнейших философов того времени, и особый интерес у него вызывала проблема универсалий. Эта проблема представляется очень важной и, поэтому, остановимся на ней подробнее.

Спор об универсалиях, то есть общих понятиях, в средневековой схоластической философии сводился к вопросу, существуют ли они «до вещей», как их вечные идеальные прообразы (платонизм, крайний реализм), «в вещах» (аристотелизм, умеренный реализм), «после вещей» в человеческом мышлении (номинализм, концептуализм). Реалисты утверждали, что универсалии существуют реально и независимо от сознания. Номиналисты, наоборот, отрицали реальное существование общих понятий, считая их лишь именами (лат. *nomen* – имя), словесными обозначениями, относимыми ко множеству сходных единичных вещей или чисто мыслительными образованиями, существующими в уме человека

⁷⁰ Там же. С. 201–211.

Абеляр занял промежуточную между реализмом и номинализмом позицию, получившую название «концептуализма». Он рассматривал универсалии как умственные концепции, которые не существуют отдельно от предметов, но которые в то же время не просто произвольные имена. «Универсалия», такая, например как «лошадь», реальна, это не просто слово, однако она не может существовать отдельно от реальных лошадей. В понимании Абеляра «универсалии» предшествуют конкретным вещам. Бог имел идею лошади, прежде чем начал творение, и эта идея присутствует в каждой конкретной лошади. Вскоре эта точка зрения стала преобладающей.⁷¹

Английский субъективный идеалист Дж. Беркли (1685–1753) полагал, что ничто не существует, за исключением воспринимающих личностей, все же другие вещи являются не столько самостоятельно существующими, сколько способами существования личностей. Английский философ утверждал, что так называемые вторичные качества, то есть цвета, звуки, вкусы и т. д., не имеют существования вне разума. Всякая общая идея, к примеру, идея «фрукта вообще» есть не что иное, как представление какого-то конкретного фрукта, которое, однако, интересует ум не само по себе, а в его репрезентативной функции, в качестве представителя целого класса объектов. В самом деле, представляя любой чувственный объект, мы одновременно представляем самих себя, представляющих этот объект. Субъект нельзя отмыслить от объекта. Это и значит, что объекты имеют лишь соотносительное существование, зависят от воспринимающего духа. «Быть, значит восприниматься», – говорит Беркли. Происходит полное отождествление свойств внешних предметов с ощущениями этих свойств человеком.

Беркли сделал интересное замечание по поводу субъективности пространства. Он пишет: «Возьмем дюйм, отмеченный на линейке; будем смотреть на него последовательно с расстояния в полфута, в один фут, в полтора фута и т. д. от глаза: на каждом из этих и на всех промежуточных расстояниях дюйм будет иметь различное видимое протяжение (т. е. в нем можно будет различить большее или меньшее число точек).

Теперь я спрашиваю, которое из всех этих разных протяжений является той установленной и определенной длиной, которую условились принять в качестве общей меры других величин? Нельзя указать никакого основания, почему мы должны дать предпочтение одному перед другим».⁷² Беркли замечает, что «очевидно, что мы не видели бы движения, если бы не существовало разнообразия цветов», – замечает Беркли.⁷³ Наконец, английский философ справедливо указывает, что если слепой человек неожиданно прозреет, то не сможет отличить шар от куба, поскольку «хотя он и знает по опыту, как действуют на осязание шар и куб, но он пока еще не узнал, что то, что таким или иным образом действует на его осязание, должно таким или иным образом действовать и на зрение, или что выступающий угол в кубе, неровно давивший на его руку, покажется его глазу таким, как он есть в кубе».⁷⁴

Джон Локк (1632–1704) считал, что внешние предметы, воздействуя на органы чувств, порождают «простые идеи»; душа при этом пассивна, это «чистая доска» (*«tabula rasa»*), на которой опыт пишет свои письмена в виде ощущений или чувственных образов вещей и их качеств. Внутренний же опыт основан на рефлексии над собственной деятельностью души. Локк выдвинул теорию первичных и вторичных качеств. Под «качеством» он понимает силу или способность предмета вызывать в уме свою идею. Первичные качества – плотность, протяженность, форма, движение, покой, объем, число – это «реальные сущности», объективно присущие вещам свойства; они изучаются точными науками. Вторичные качества – цвета, вкусы, запахи, звуки, температурные качества – это «номинальные сущности»; вызываемые ими идеи

⁷¹ Неретина С., Огурцов Л. Пути к универсалиям. СПб., 2006. С. 431–489.

⁷² Беркли Дж. Сочинения. М., 2000. С. 45.

⁷³ Там же. С. 13.

⁷⁴ Там же. С. 79–80.

не имеют прямого сходства с телами. Эти качества зависят от первичных и реализуются при наличии ряда условий (например, для восприятия цвета некоторого предмета необходимы сам этот предмет с определенными первичными качествами, достаточная освещенность помещения и нормальное функционирование зрительного аппарата человека).⁷⁵

Немецкий философ А. Шопенгауэр (1788–1860) в своем главном труде «Мир как воля и представление» говорит о том, что картина мира обусловлена восприятием наших органов чувств. Опыт человека навязывает ему систему предубеждений и ожиданий, которая фильтрует информацию в зависимости оттого, что сам человек хочет увидеть или услышать, не замечая нежелательной информации и замечая желательную. Немецкий философ пишет, что весь этот мир – лишь объект по отношению к субъекту, созерцание созерцающего, то есть его представление. То, что все познает и никем не познается – это субъект. Таким субъектом каждый считает самого себя, но лишь потому, что он познает, а не является объектом познания. Между тем, его тело – это уже объект. Субъект и объект – это соотносительные моменты мира как «представление». Мир как «вещь в себе» предстает у Шопенгауэра как безосновная «воля», которая обнаруживается и в слепо действующей силе природы, и в обдуманной деятельности человека; разум – лишь инструмент этой «воли». Как «вещь в себе» воля едина и находится по ту сторону причин и следствий, однако в мире как «представлении» она проявляется в бесконечном множестве «объективаций». Ступени этой объективации (неорганическая природа, растение, животное, человек) образуют иерархическую целостность, отражающую иерархию идей (понимаемых в платоновском смысле) – «адекватных объективаций воли». Каждой объективации свойственно стремление к абсолютному господству.⁷⁶

Естественно, что традиционная наука боится распространения субъективного идеализма. Как писал Бертран Рассел, «субъективность, которой однажды дали волю, не может быть заключена в какие-либо границы, пока она не достигнет своего логического конца».⁷⁷

Подробный, хотя и неудовлетворительный, анализ соотношения физического и психического был сделан школой эмпириокритицизма. Австрийский физик и философ Эрнст Мах был уверен, что нет пропасти между физическим и психическим, нет ощущения, которому соответствовала бы внешняя, отличная от этого ощущения вещь. Человеческое тело также составляет лишь часть чувственного мира, а граница между физическим и психическим проводится исключительно в целях практичности, и только условно.⁷⁸

В то же время Мах отметил, что далеко не во всех случаях человек может отличить субъективное от объективного: «В повседневном мышлении и обыденной речи противопоставляют обыкновенно кажущееся, иллюзорное действительности. Когда мы держим карандаш перед собой в воздухе, мы видим его прямым; опустив его в наклонном положении в воду, мы видим его изогнутым под тупым углом. В последнем случае говорят: „Карандаш кажется изогнутым, но в действительности он прямой“. Но на каком основании мы называем один факт действительностью, а другой низводим до значения иллюзии?».⁷⁹

В соответствии с теорией принципиальной координации, развитой Р. Авенариусом, между нашим «Я» и средой существует неразрывная связь – «принципиальная координация». Объективный мир не может существовать без «Я», которое воспринимает его. Люди в своем опыте имеют дело лишь с ощущениями и аффеക്ഷональными отношениями.⁸⁰

⁷⁵ Рассел Б. История западной философии. СПб., 2001. С. 751–758.

⁷⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 2007.

⁷⁷ Рассел Б. История западной философии. СПб., 2001. С. 32.

⁷⁸ Мах Э. Анализ ощущений. М., 2005. С. 260–261.

⁷⁹ Там же. С. 55.

⁸⁰ Авенариус Р. Человеческое понятие о мире. М., 2008.

Английский мыслитель Дж. Э. Мур (1873–1958) полагал, что ощущение включает сознание и объект, независимый от сознания. Статус объекта неясен, и лишь «здравый смысл» заставляет нас признавать объективность внешнего мира. Иначе говоря, существуют материальные объекты и акты сознания, связанные лишь с некоторыми из материальных тел. Вместе с тем, «здравый смысл» не может отрицать и то, что мир по своей природе духовен, что существует божественный разум, акты этого разума и загробная жизнь.

Немецкий философ Ф. Brentano был уверен, что психика воспринимающего внешний мир человека – единственная реальность, доступная этому человеку. Вещи обретают свое существование в уме человека, и их существование вне его недоказуемо. Brentano ввел термин «интенциональность», под которым понимал внутренне присущую специфическую направленность на предмет. Между тем со времен античности в философии бытовало мнение о том, что каждому образу сознания должен соответствовать некий предмет в реальности. Следовательно, мифологические существа должны были бы существовать объективно. Понятие интенциональности позволяет избежать этого.⁸¹ В свою очередь датский мыслитель Серен Кьеркегор считал, что человек вообще не может быть объектом научного знания или рассматриваться как субъект-объект, так как «тот, кто существует, не может быть также сразу в двух местах...».⁸²

Известный русский философ А. И. Введенский (1856–1925) писал, что «очень вероятно, даже, наверное, вне нас существует что-нибудь (вещь в себе), но пока не найдены основания для перенесения априорных понятий (причины, субстанции и т. д.) за пределы мира явлений, – до тех пор выбор между ответами на вопросы о существовании и несуществовании вещей в себе... может быть сделан не наукой, а только верой». «Наше сознание, – продолжает он, – подчинено такому закону, вследствие которого оно должно представлять вещи как бы существующими, хотя это еще не свидетельствует об их существовании помимо представлений». Введенский заключает, что выводы уместны и законны лишь в наших представлениях, но они бессильны и неуместны в отношении всего, что находится за пределами представлений, т. е. в отношении вещей в себе. К вере нельзя «принудить» так, как принуждает разум; но она имеет свои основания, свои мотивы, «принуждающие» нас (хотя по-иному, чем принуждает разум). Потому атеизм философски, в сущности, недопустим; хотя он так же неопровержим, как неопровержима вера, – он сам есть, в сущности, вера («атеизм есть вера в несуществование Бога, а вовсе не знание»)⁸³.

Черту под этой проблемой, думается, подвел современный американский философ Кен Уилбер, который замечает, что «Созерцатель видит эго, видит тело и видит естественный мир. Все эти феномены выставлены „перед“ этим Свидетелем напоказ. Но самого Созерцателя нельзя увидеть. Если вы видите что-либо, то это всего лишь еще один объект. И эти объекты как раз то, чем этот Свидетель не является».⁸⁴ В другой своей работе Уилбер справедливо пишет, что «граница между «Я» и «не-Я» является самой фундаментальной. Это граница, от которых мы отказываемся с наибольшей неохотой. В конце концов, она была первой границей, которую мы провели, и поэтому это та граница, которой мы дорожим больше всего. Мы потратили годы, чтобы укрепить и защитить ее, сделать надежной и безопасной. Это та самая граница, которая позволяет нам чувствовать себя обособленной личностью. И по мере того как мы стареем, обремененные грузом лет и воспоминаний, и начинаем приближаться к финальному небытию смерти, эта граница оказывается последней, которую мы оставляем».⁸⁵

Другой серьезной проблемой является вопрос о соотношении *я-субъекта*

⁸¹ Яровицкий В. Сто великих психологов. М., 2007. С. 187–188.

⁸² Цит. по: Быховский Б. Э. Кьеркегор. М., 1972. С. 94.

⁸³ Введенский Л. И. Условия допустимости веры в смысл жизни // Смысл жизни. Антология. М., 1994.

⁸⁴ Уилбер К. Краткая история всего. М., 2006. С. 321.

⁸⁵ Уилбер К. Никаких границ. Восточные и западные пути личного роста. М., 1998. С. 56.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.